

Соня Фрейм

выбор читателей
Wattpad

СКВОЗЬ ОБЪЕКТИВ

18+

Хиты Wattpad

Соня Фрейм

Сквозь объектив

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

Фрейм С.

Сквозь объектив / С. Фрейм — «Издательство АСТ»,
2019 — (Хиты Wattpad)

ISBN 978-5-17-112072-6

Марина отправилась в Амстердам, чтобы отдохнуть в любимом городе, но внезапно оказалась похищена загадочным незнакомцем по имени Кай. Девушка готовилась к самому худшему, но не ожидала, что Кай заставит ее участвовать в странном творческом эксперименте, целью которого было поймать ее душу... На что готов пойти Кай, чтобы воплотить свою безумную идею? И способна ли Марина выдержать испытание, которое навсегда ее изменит?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-17-112072-6

© Фрейм С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
С Максом	8
Амстердам	13
Кай	22
Незванный друг	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Соня Фрейм

СКВОЗЬ ОБЪЕКТИВ

© Соня Фрейм, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*I'll describe the way I feel
Weeping wounds that never heal
Can this savior be for real
Or are you just my seventh seal?*

*Я опишу, как я себя чувствую,
Кровоточащие раны,
Которые никогда не исцелятся.
Неужели ты и есть мой спаситель?
Или же ты моя седьмая печать?¹*

Placebo «Special K»

---

¹ Седьмая печать (также известна как седьмая печать апокалипсиса) – последняя из семи печатей, снятие которых в Откровении Иоанна Богослова является одним из знамений конца света.

Пролог

«...Эта девушка среди толпы сразу притягивает к себе взор. Большие стрекозиные очки вызывающе сдвинуты на самый кончик носа. Скучающий взгляд оценивающе блуждает по людям и улицам, но не видит их.

Кто она, эта незнакомка? Она не рождена из морской пены – то была другая девушка, из другой истории. Эта же скроена из фрагментов модных журналов, но ее нет на обложках. Она как гремучий коллаж с Tumblr² – немного безвкусный, но притягательный в деталях.

Давайте угадаем, из чего она сделана. Она соткана из брендов, воспитана на интернет-пабликах. В кармане лакричный Fisherman's Friend³. Очередная кофейная раздолбайка, которая предпочитает эмоджи словам. У нее дорогие шмотки, капризный характер и пустое сердце. Ее зовут Марина...»

* * *

– Ну и как?

– Да, впечатляет. Особенно про безвкусицу и пустое сердце. И про эмоджи вместо мозгов.

– Эй-эй, не принимай буквально. Это игра образов. В тебе есть такая дешевая нотка. Но это комплимент. Твоя фишка. Я вижу ее в твоих волочащихся нарядах, в манере себя вести... А самое главное – тебе на это плевать. Гранжево. Очень.

– Ладно, оправдался. А почему у меня капризный характер?

– Потому что ты избалованная девочка с властными замашками и дурными привычками.

– У меня только одна дурная привычка – надкусывать яблоки и бросать их.

– И это еще одна капля в твой образ.

– А сердце почему у меня пустое?

– А ты загляни внутрь – узнаешь.

– Ты, типа, крутой психолог? Знаешь, у кого какая начинка?

– А вот об этом я тебе расскажу в следующем эпизоде.

– Так и быть, я заинтригована.

* * *

Я не люблю слушать о себе.

Пугает, когда некоторые люди знают о тебе больше, чем ты сам. Тогда я в полной мере понимаю, что слова оставляют самые глубокие шрамы. Они превращаются в лезвие. Чем оно острее, тем неуловимее его прикосновение, и после кажется, что боль появилась раньше, чем тебя ранили.

Еще меньше я люблю говорить о себе сама.

Хотя иногда чувствую смутную потребность и ищу слушателя. Так ловишь случайных знакомых, вешаешь ненужную информацию на обслуживающий персонал, философствуешь с бездомными и алкашами... Ищешь священника, психолога или лучшего друга. Каждый думает, что однажды найдет того особенного, кто поймет его молча и в кого сможет влить все свои тайны, страхи и невысказанные слова.

---

² Сайт микроблогов, состоящих преимущественно из картинок.

³ Освежающие конфеты.

Но таких людей не бывает. Потому что чужая жизнь в больших дозах – словно смертельная инъекция. Все ищут, в кого бы ее вколоть, но никто не хочет подставить свои вены.

Я выросла с убеждением, что этот мир не для тех, кто ищет собеседников. И не для тех, кто хочет выбраться из лабиринта кривых зеркал, состоящих из многих мнимых «я». Возможно, мы все бродим по жизни в странных клише и однажды сродняемся с ними.

Я терпима к клише. Они упрощают ожидания друг от друга.

Открыться можно только тому, кто будет беззащитен перед тобой так же, как и ты перед ним. Тогда слова перестанут быть ножами, а разговор – безжалостной дуэлью. Если бы у меня действительно была потребность делиться с людьми истинными мыслями, то Макс смог бы добавить в свое повествование что-то еще, кроме «у нее дорогие шмотки, капризный характер и пустое сердце». Но, откровенно говоря, меня не очень волнует его писанина – хотя в ней иногда и проскальзывают занятные моменты.

Поэтому я промолчу. Пускай будет капризный характер. Пускай останется пустое сердце.

С Максом

– Я хочу писать только о роскошной жизни, – поделился Макс.

Он сообщил это в солнечный апрельский полдень, один из таких, когда небо обрушивается бездонной голубизной, а ветер притрагивается к коже словно крылья бабочек. Весенний воздух дурманил людей, стоило им только высунуться в форточку.

Но погода в Риге стояла еще прохладная, и балкон нашей с Максом кофейни пустовал. Да и в такой ветреный день велик риск, что чай из чашки окажется на лице. Однако мы всегда были сторонниками выпендрежа – и море нам по колено, и ветер нас не сдует. Поэтому сидели снаружи и, как невинные дети, потягивали молочный коктейль, оправдывая имидж кофейных раздолбаев, с которых он начал свою книгу.

Периодически он внимательно глядел на меня – а я смотрела, как лопаются пузыри в стакане. Мои темные очки сползли на кончик носа и грозились упасть прямо в бокал. Слегка приподняв их, я продолжила свое увлекательное наблюдение. Но прокомментировать его заявление как-то надо было.

– Недаром говорят: пиши о том, что ты хорошо знаешь.

– Да нет же, – слегка нахмурился он. – Просто пороки, которые расцветают в этой среде, наиболее интересны для изучения.

– Ты помешан на эстетике греха, – хмыкнула я.

– Ну и что? Самое интересное – это люди. Такие, как ты.

Я прикусила трубочку от коктейля и наградила Макса скептическим прищуром. Его длинные соломенные волосы были в легком беспорядке из-за ветра, и периодически он небрежно проводил по ним растопыренной пятерней.

«Велла: вы великолепны», – почему-то пронеслось в моей голове.

Поймав мой изучающий взгляд, он поинтересовался:

– Что-то не так?

– У тебя майонез на подбородке, – сообщила я.

Макс тут же нервно провел по лицу салфеткой, но опомнился и буркнул:

– Мы же не брали ничего кроме коктейля.

Я подавила ухмылку. Попался, как всегда. Все, что касалось внешности, он воспринимал с обостренной серьезностью. Мне нравилось его на этом периодически подлавливать.

– Шутка, друг мой. Не дуйся.

– Глупая шутка, Марина, – проворчал он и, подперев голову руками, произнес: – Вечно ты увиливаешь. Давай вернемся к тебе, раз ты будешь героиней. Опиши мне себя.

– Зачем? – Правая бровь сама вздернулась. – Ты, по-моему, и так неплохо справлялся.

– Я хочу увидеть мир твоими глазами. Это добавит реалистичности моему роману.

Мне хотелось его спросить, зачем писать о человеке, в чью шкуру не можешь влезть, даже напрягая воображение, но вместо этого я попыталась спонтанно ответить на его вопрос:

– Марина хорошо умеет спать, врать и тратить деньги. Деньги ей дает папа, чтобы она нашла себя в чем-то кроме первых двух занятий.

Макс хмыкнул и покачал головой:

– Ты всячески стараешься показать, что все, что у тебя имеется, – это заслуга твоего отца. Самоирония, отлично! Но почему?

– М-м-м, я папина дочка, – с туманной улыбкой возвестила я.

Между тем папочку я не видела уже месяц, а последняя встреча прошла под его вечное: «Я занят, у меня завтра срочный вылет!». Но сказать что-то надо было. Что-то вместо правды.

– Ты хорошо сочетаешь в себе избалованность и сознательность.

«Что еще ты готов придумать обо мне, чтобы стать ближе?» – пронеслось в голове.

Я откинулась на спинку стула и беззаботно улыбнулась, глядя на безупречную гладь неба. Всегда почему-то цепенею перед его бесконечной пустотой. Мне кажется, что только там, наверху, сосредоточена истинная красота.

Макс, в общем-то, счастливый человек. Ему не требуется слушатель. Он продолжил самозабвенно болтать о своей писанине, и я туманно кивала. Затем он переключился на знакомую нам тусовку. Зонтики мерно покачивались в такт ветру, а указательный палец сам собой начал отстукивать по крышке стола какой-то ритм... Так бывает всегда, когда мне становится скучно.

В голове окончательно выкристаллизовалась мысль, которую я вынашивала последнюю неделю.

– ...Она фотает себя в туалете «Ритца», чтобы все думали, что это, типа, ее хата, – небрежно пересказывал он что-то. – Потом выяснилось, что у нее там просто подруга на ресепшн, да еще и полотенце с логотипом сдуру засветила и спалилась... Я всегда говорил, что она дешевка, но меня не слушали...

– Макс, поехали в Амстердам, – перебила его я.

– Когда? – опешил он, не ожидая такого предложения.

Глаза его непроизвольно вылезли на лоб, который собрался в недоуменную гармошку. Мысленно он, похоже, все еще расследовал дело дешевок в отеле «Ритц», и мое предложение упало как снег ему на голову.

– На этой неделе, – бросила я.

Он побуравил меня исподлобья и слегка неуверенно уточнил:

– На этой?

– Ну да, – кивнула я. – А чего ждать?

– Да, но... – возмущенно начал он. – У меня университет, у тебя школа, да еще надо собраться... А потом, родители...

– Как будто ты у них обычно отпрашиваешься, – хмыкнула я. – Неделями домой не звонишь. Ну, ты со мной?

– Подожди, – отчеканил он, притормаживающе подняв руки. – Давай разбираться. С чего это ты вдруг захотела...

Манера Макса подвисать на деталях бесила, но его астрологическим диагнозом была Дева, а пожизненным – тормоз.

– Да просто так! – раздраженно воскликнула я. – Не хочешь – можешь не ехать. Я привыкла путешествовать одна.

– Нет, я не могу тебя оставить, – рассеянно произнес он. – Просто... это все как-то неожиданно.

Лицо непроизвольно поехало от зевка, который не удалось подавить. Стоило поставить его перед фактом, как в нем тут же проскальзывала скучная суетливость. «Почему в людях так мало спонтанности?» – часто размышляла я. Но относительно Макса я была уверена в одном: если на него надавить, он будет ныть, читать нотации, но сделает что надо. А еще в этот раз мне не хотелось лететь в одиночестве. Да и друзей я никогда не выбирала.

– Марина... – Он грустно на меня посмотрел и укоризненно сказал: – Это несерьезно.

– Ты уже согласен, – поняла я.

* * *

Если честно, я до сих пор не понимаю, откуда взялся Макс. В какой-то момент я обнаружила, что рядом со мной идет высокий атлетичный блондин с влажноватым щенячьим взглядом. Кажется, мы познакомились на очередной бесперспективной вечеринке. Я удачно притягивала к себе странных незнакомцев.

Помню только, как он возник передо мной в потоке пляшущего света. Я сидела за стойкой бара и была уже довольно пьяна. До этого я познавала пределы неловкого молчания с каким-то другим парнем, который успешно смылся. Соображала я слабо – казалось, что алкоголь уже давно заменил кровь в венах. Но этот вечер оставалось спасать только бесплатной выпивкой на чужом празднике.

Музыка то глохла, то била по ушам, и я с пьяной проницательностью размышляла, что иногда жизнь похожа на карусель. Если слишком долго на ней кататься, тебя стошнит. Вообще-то я даже не была старухой. Мне только исполнилось восемнадцать, но когда чувствуешь себя погано, всегда стареешь лет на сто. Жалко только, что не умнеешь.

– Эй, ты в порядке, милая?

– Милая? – с трудом выдавила я. – Ты вообще кто?

Мелькнули сочувствующие голубые глаза, и кто-то мягко оторвал меня от стола и усадил прямо.

– Я, возможно, твой ангел-хранитель, – заговорщицки шепнул незнакомец.

– Хреновый способ знакомиться, – выдавила я и соскользнула с кресла.

Происходящее дальше я помню слабо, но Макс, как лучшая подружка, держал мне волосы, пока я блевала в унитаз следующие минут десять. С тех пор он всегда был рядом, даже когда его об этом не просили, держал не только волосы, но и мою сумку, бегал за мороженым и работал личным шофером.

– Больше не пей так много! – грозил он пальцем, и меня разбирал смех от того, настолько это действие не сочеталось с его внешностью. – Тебе не идет!

Макс учился на втором курсе по прозаичной специальности – на финансиста. Но сам он грезил о писательских лаврах, а учеба была в угоду довольно деспотичному отцу.

Его папа в свое время успешно влился в молочную индустрию страны и был одним из производителей отечественного сыра. В преемники он, разумеется, готовил Макса. Но сын почему-то тщательно это скрывал, так как профессия папы отдавала, как он выражался, «провинциальным шиком», что, однако, не мешало ему тратить «сырные» денежки абсолютно так же бестолково и в таком же большом количестве, как это делала я с деньгами своего отца. Это стало нашей единственной точкой соприкосновения.

Меня забавлял Макс. Его интеллектуальные замашки, манера преувеличивать и делать культ из ничего... При его холеной, шикарной внешности в нем отсутствовала мужественность, и он часто вел себя как изнеженная капризная девочка. От этого становилось смешно. Первое время я на полном серьезе думала, что он гей. Затем кое-что прояснилось.

Его единственная проблема заключалась в том, что он постоянно хотел казаться кем-то другим. Он маскировал это неуместной ложью о том, что живет один, а родители – в другой стране. Что его книги известны только в очень престижном кругу и он намеренно не хочет продавать их массовому читателю. Он обливался табачной ванилью от Тома Форда и напоминал чью-то упакованную мечту, и явно не мою. Но сквозь его цветистый поток слов рано или поздно начинали выстреливать фразы про пороки богатства. Словно с грубой кирпичной стены вдруг облезли обои в розочках. Я понимала, что, возможно, мы оба – две ладные подделки. Он – поверхностная богема, я – девочка поколения Whatsapp, состоящая из сохраненок лакшери. С кем нам дружить, как не с себе подобными?

Но иногда я думала, что хоть он меня и раздражает, у меня нет другой компании. Никто ведь не хочет быть один.

Поэтому я научилась воспринимать Макса как забавное недоразумение, которое сопровождает меня во время прогулок, встречается из школы на новеньком «порше» и развлекает необременительными разговорами о том о сем.

С ним можно было говорить молча.

Он задавал кучу вопросов, сам же на них отвечал или мог часами рассуждать на ему одному интересные темы, и мне оказалась удобной такая дружба. Я ничего ему о себе не рассказывала, зато он кусками ухватывал то одно, то другое и лепил, что получится. Общение с ним походило на фоновую музыку в наушниках, которую слушаешь по дороге в школу. Он расслаблял. Я лениво взирала на него из-под слегка опущенных век, катая с глупым видом жвачку во рту, и со скуки собирала в свою очередь уже его портрет, который, возможно, выходил правдивее, чем мой образ в его недописанном романе.

Соломенная копна волос как из рекламы шампуня. Кожа лучше, чем у меня. Брови постоянно домиком, от чего взгляд у него грустный и ищущий, как у потерянного щенка.

В конечном итоге я пришла к выводу, что откуда бы он ни взялся, но еще чуть-чуть, и я, пожалуй, окончательно назову его другом.

А вот кем он хотел стать для меня – не всегда было понятно. То ли претендовал на роль моего молодого человека и вел себя порой как заправский ухажер, таская мне шоколад в огромных коробках и тяжелые веники алых роз. То ли думал стать моим покровителем, оберегающим от дурного влияния внешнего мира. Правда, «папочка» из него выходил сомнительный. Мне, в общем-то, было все равно. Казалось, что от его статуса мое отношение к нему несколько не изменится.

Затем я превратилась в его музу, и он стал делать наброски к очередному скандальному роману о золотой молодежи – к которой приписал и меня. Он мнил себя чуть ли не Бегбедером или Буковски, а я стала его кокаиновой принцессой. Вообще-то вместо наркотиков я принимала таблетки от холецистита, но о таком не пишу.

Иногда, читая его записки, я удивлялась. Он подмечал вещи, которые никогда в себе не заметишь. Увидеть себя со спины нельзя, ведь глаз на затылке нет. Это было как смотреть на свое не слишком удачное фото – вроде ты, а вроде и нет. Мне все яснее становилось, что Макс черпает с «фасада», а остальное додумывает сам.

Он постоянно старался меня разговорить. Развлекал тестами, анекдотами и своими забавными заявлениями... У меня была стандартная реакция – я только жевала и кивала. И изредка поддразнивала его своим ехидством.

Каждое появление Макса передо мной походило на кастинг, словно бы он пробовался на всевозможные роли, но я не знала, на какую его утвердить.

Таким он и остался в воспоминаниях – красивым, но пустоватым юношей без определенного назначения в моей жизни...

* * *

– Я скажу тебе, какая ты, – со звенящим триумфом первооткрывателя сообщил он.

Самолет плавно рассекал пелену розоватых облаков. Периодически закладывало уши, а в салоне стояла атмосфера тихого часа. Пассажиры, откинувшись в креслах, дремали, запрокинув назад головы и одинаково приоткрыв рты. Только в глубине салона кто-то сердито шуршал газетой.

В ушах беспрерывно звучали монологи моего почти что друга. Мы обсудили погоду, еду, его будущее, затем я иссякла и почти всю оставшуюся дорогу смотрела в иллюминатор. Его словесный поток, как обычно, не прекращался. Где-то открыли кран и забыли завернуть обратно.

Облака внизу походили на дорожки в манной каше, и начинало рябить в глазах. Хотелось уснуть, но его шепот не давал отключиться.

– Ты – дорогой капучино с пышной пенкой и шоколадной стружкой, тающей в кофейном паре. Ты – желатиновые тянучки с приторным вкусом. А еще маленькие круглые сливочные леденцы, от которых сладость во рту оседает навсегда, – оттачивал он на мне очередной приступ поэтизма.

– Меня сейчас вырвет. Откуда ты вообще набрался этой ванили? – поморщилась я.

– Просто это ты. Девочка-конфетка. Ты постоянно ешь какие-нибудь приторные тянучки, от тебя пахнет шоколадом и кофе... Я это запишу.

В последнее время эта фраза стала звучать как нешуточная угроза. Я недоуменно уставилась на него поверх чуть ли не до глаз натянутого пледа. Да что с ним не так? Как его выключить?

– Ты уверен, что такое будут читать?

– Мой выбор слов намеренный, – надулся он.

– Значит, это еще пара деталей, составляющих мой образ?

– Между прочим, да!

– О господи... давай поговорим о чем-нибудь другом. Не обо мне.

В моем голосе впервые проклюнулось нешуточное раздражение.

Макс слегка приподнял брови и произнес:

– Мне интересно говорить о тебе. Но, к сожалению, тебе не интересно говорить со мной. Это все твоя апатия, Марина.

– Хватит ставить диагнозы, – отозвалась я. – Вот приедем в Амстердам, и я оживу, поверь мне.

– Что, так сразу?

– Я обожаю этот город, Макс, – мечтательно произнесла я. – Там мой настоящий дом. Там я на своем месте. Стараюсь приезжать туда каждую весну.

– Прямо-таки каждую... Со скольких же лет?

– С четырнадцати, – память внесла коррективы. – Как сказал однажды один голландский таксист, в этом городе никогда не чувствуешь себя иностранцем. Там есть всё. И все.

– А школа? У тебя и так много пропусков.

– Да ну ее... Ничего интересного там нет.

– А родители? – продолжал он.

– Наша жизнь – это езда на разных эскалаторах, – неожиданно разоткровенничалась я. – Они едут вверх, а я вниз. По пути мы успеваем помахать друг другу руками, пока не скроемся из виду окончательно.

Глаза Макса вспыхнули энтузиазмом.

– Вот! То что надо. Продолжай!

– Что продолжать?

– От тебя так редко можно услышать что-то...

– Внятное?

– Нет, личное. И все это ты сообщаем таким ровным голосом... Мне нравится.

Он походил на какого-то безумного фаната. Воистину, кошмар – это любовь, о которой не просишь. Я уткнулась носом в колючие складки пледа, решив больше не делиться никакими мыслями. Возможно, он старается узнать обо мне больше, чтобы стать ближе. Я, кажется, знаю о себе все, но при этом продолжаю чувствовать себя чужой даже в собственном теле.

Внезапно Макс наклонился к моему уху и спросил незнакомым расстроенным шепотом:

– Знаешь, кто ты?

Я медленно повернула к нему голову и уставилась в прозрачные голубые глаза. В тот момент я ожидала очередного продовольственного сравнения – и я его получила. На лице Макса впервые промелькнула человеческая боль, далекая от всех его мультяшных переживаний.

– Ты – остывший кофе, вот ты кто.

Амстердам

Как ни странно, его последние слова, сказанные в самолете, меня слегка задели. Я отчетливо помню плещущуюся в его глазах хрупкую боль, наложившуюся на эту по-детски обиженную реплику. В ней сквозили не выраженные до конца обиды, немного разочарования в нас обоих и немного его безответной привязанности ко мне.

Эта фраза – одна из немногих его фраз, которая почему-то так со мной и осталась. Как затонувший корабль, она лежит где-то глубоко внутри и вызывает странное чувство опустошения. В ней неожиданно оказалось много правды. Макс выбрал дурацкую метафору, но она отразила разновидность холода, которую я ощущала сама уже много лет.

До конца полета мы больше не разговаривали. Макс ерзал в кресле и вздыхал, я же отчужденно смотрела в иллюминатор, чувствуя, как внутри дрожит неприятный осадок.

«Почему ты постоянно говоришь обо мне? Расскажи что-нибудь о мире, жизни и людях. Что ты знаешь о них? Или говори только о себе, тогда мне хотя бы не надо будет каждый раз ставить себя на предохранитель от твоих вопросов», – крутилось у меня в голове, но в итоге я ничего ему не сказала.

Облака тем временем становились все реже и реже, и сквозь них начала проглядывать земля с вкраплениями домов. Многоязычный гомон в салоне нарастал по мере снижения. Я откинула плед и стала обуваться.

Так мы и долетели. Так и приземлились.

Но в аэропорту я почувствовала оживление и выкинула его слова из головы. Уже сегодня я пройду по узким улочкам, увижу здания, фасады которых помнила, как родной двор, и представлю... будто я дома. Будто я всегда жила этой жизнью.

Такой незамороженной я могла быть только здесь, и жизнь вдруг начинала казаться простой и понятной. Не надо было искать в себе ответы на вопросы, которых мне никто не задавал. Может, просто есть города, где себя теряешь, а есть и такие, в которых вдруг находишь. В Амстердаме я никогда не теряла – что бы то ни было.

Как одурманенная, там я бродила по улицам с раннего утра до позднего вечера, время от времени символически перекусывая. Здесь и дышалось будто легче, все менялось в одно мгновение. Я забывала свое имя, лицо и прошлое. Обретала непривычную, чудесную анонимность.

Мы с Максом разошлись по параллельным реальностям. Пока он потерянно бежал за мной, шараясь ото всех со своим чемоданом, я двигалась в каком-то другом, только мне слышном ритме, уже зная свой путь.

В наушниках играла Flunk «Queen of the Underground»:

Girl of the underworld, where did you go?
I heard you went with the undertow⁴.

Эти строки были пророчеством, которое скоро вступит в силу, но в тот момент я об этом еще не знала.

Просто шла навстречу городу.

Amsterdam Centraal. Вот мы и на вокзале. Отсюда начинаются все истории в европейских городах. Сходишь с поезда, и тебя втягивает в круговорот новой жизни. Я едва замечала Макса.

При взгляде на знакомое небо и улицы внутри оживало редкое чувство, что радостей в жизни не счесть.

---

⁴ Девушка из преисподней, куда ты ушла? Я слышал, как ты исчезла с откатом прибой.

* * *

– ...А теперь прошу вас пройти в этот зал. Здесь представлены работы одного из самых известных голландских фотографов нашего времени – Хогарта. Свое творчество он представляет исключительно под фамилией, предпочитая скрывать имя от широкой публики...

У гида был прекрасно поставленный голос, который раскатывался под высоким белым потолком фотогалереи, и каждое слово потом дрожало какое-то время в воздухе. Толпа туристов бодро прошествовала в абсолютно белое вытянутое помещение, где на стенах висели работы, расположенные с нарочитой асимметричностью. Все тут же рассосалось по залу, иногда о чем-то переговариваясь вполголоса.

Это была одна из галерей современного фотоискусства. Удачно присоединившись к англоязычной группе, состоящей в основном из восторженных японцев и китайцев, снимающих все на свои телефоны, мы проникались высокой культурой. Хотя с Максом это было сложновато, ибо он хаял все, что видел. Не из невежества или злобы, просто так уж он был устроен.

Гид тем временем дошла до середины зала и продолжала свою ненавязчивую речь:

– Снимки Хогарта – своего рода летопись Амстердама, и при анализе ранних фотографий можно увидеть незначительные, но интересные изменения в городе, неизбежно пришедшие вместе с течением времени. Его работы всегда представляли собой загадку современного фотоискусства. В каждой есть деталь, которую критики любовно окрестили «мозаикой вселенной». Его творческие решения приводят зрителя к ощущению познания некой абсолютной сути. Хогарт умеет извлекать из каждого образа миллионы смыслов, которые предназначены раскрыть нечто большее. Любая мелочь в его снимках поставлена на служение главной идее.

Мы стояли напротив снимка пожелтевшего кленового листа, сквозь который просвечивало небо. По листу пробегали хрупкие прожилки, но казалось, что перед нами оптическая иллюзия. Чем дольше мы смотрели на снимок, тем отчетливее нам казалось, что по небу разошлись капилляры.

– Как он это снял? – недоуменно спросил Макс, застыв рядом со мной в позе мыслителя. – Фотошоп? Типа, двойная экспозиция?

Он задумчиво поглаживал подбородок, с подозрением изучая фотографию. Я слегка усмехнулась, ощущая, что граница меж небом и листом окончательно растворилась.

– Или нет. По-моему, все дело в камере, – произнес он через минуту. – Ну, ничего так, ничего... Хотя почему лист? Почему на фоне неба?

Я закатила глаза.

– Не препарируй замысел творца. Просто этот таинственный Хогарт – настоящий гений, – сказала я. – И это не камера, а его глаз – волшебный объектив, через который все видится совсем иным.

– Звучит как вступление к пресс-релизу. Вы тут на нем помешались все. Нет, как он снял так, что небо кажется таким просачивающимся... Да ну, тут не обошлось без фотошопа.

– Макс, ты не видишь за деревьями леса, – всплеснула я руками в отчаянии от его буквализма. – Дело не в средствах, а в идее. В воплощении задумки. В особенности видения, в конце концов.

Тот только набычился и пробурчал что-то про здоровую критику.

Каждую весну я с нетерпением ждала этой выставки. Возвращаясь в галерею уже в четвертый раз, я уяснила, что Хогартом правят какие-то только ему понятные мотивы. Он всегда выставлял свои работы в начале апреля. Он никогда не появлялся сам. Все его снимки были связаны только с Амстердамом.

Иной раз зимним вечером я вдруг вспоминала его фотографии и думала: что этот человек делает сейчас? Наверное, проявляет снимки или же наводит на кого-нибудь объектив камеры,

ловя очередное упоительное мгновение. Я представляла Хогарта очень одиноким седым мужчиной с отсутствующим взглядом и чутким восприятием.

Насчет чуткого восприятия я была уверена на сто процентов.

Мне казалось, что он должен быть достаточно стар. В его снимках слишком отчетливо проступало ощущение времени.

– Кто он вообще такой? – словно уловив мои мысли, поинтересовался Макс.

– Он просто... Хогарт. Мне, к примеру, большего и не нужно.

Тем временем гид решила, что посетители уже усвоили первую часть речи, и продолжила:

– Хогарт играет с субъективным и объективным. Раздвигая границы меж зрителем и искусством, он точно хочет сделать нас всех причастными к своим работам. Вы не по ту сторону объектива, а в нем. Для него всегда было важно доказать интимность искусства, его апеллирование к вашему «я». Понятие раздвижения границ в творчестве не связано с жанровыми ограничениями или средствами. Оно о восприятии. Мечта Хогарта – убрать барьеры восприятия. Также, как вы очевидно заметили, его любимые локации – это вокзал и аэропорт. Здесь, по его словам, случаются все самые любопытные истории. Но наиболее интересными в его творчестве являются снимки людей. Как признался однажды сам фотограф, ему никто специально не позирует, более того, случайные модели даже не знают, что попадают в его фотографические хроники. Хогарт словно вытаскивает нечто, что лежит за нашими лицами, даже за нашими душами... Он умеет останавливать миг, а затем искусно его препарировать. Так мы видим, из чего сделана наша жизнь. Из чего сотворены мы сами. Известный критик Эндрю Вилкинс сказал на этот счет, что Хогарт – хирург от Бога.

– Меня она бесит. Такое впечатление, будто она его фанатка, – проворчал Макс. – И что за бред... Фотография и хирургия – сравнила...

– Какой ты нудный, – поморщилась я.

– Я не нудный, – обиженно нахохлился Макс. – Я просто мыслю здраво. Эта экскурсовод напоминает мне мою учительницу литературы.

– Чем же?

– Тем, что знает, что хотел сказать писатель и вообще любой творец. А когда мы с ней не соглашались, она говорила: «Возможно, но Белинский понял Пушкина иначе!». И тыкала нам этим Белинским в каждое сочинение. Ненавижу Белинского. И ее. И школу.

Я начала ржать, и пара человек стрельнули в меня неодобрительными взглядами.

– Прости, пожалуйста, так это твоя детская травма.

– Поэтом может стать только раненая душа, – вздыхал он, и я не знала, плакать мне или снова смеяться. А он продолжал, не замечая выражения моего лица: – И вообще это фигня. Сейчас все фотографии, камера позволяет сделать такие снимки, что они сходят за искусство. А оно, между прочим, сложнее. Возьми, например, писательство. Там тебе никакие гаджеты не помогут, если нет стиля.

Я снова закатила глаза и отвернулась от него. Макс продолжал что-то бубнить уже самому себе. Гид, к счастью, не ссылаясь на Белинского, и я стала слушать ее дальше:

– Хогарт подобен невидимому наблюдателю или даже ангелу-хранителю Амстердама. Неслышно он проходит по этим улицам и снимок за снимком впитывает город и его людей в свой объектив, создавая единую таинственную историю. Так что, быть может, и вы случайно попадете в его летопись мгновений, пройдясь сегодня по улицам Амстердама... кто знает, – эффектно завершила она свою речь.

Ее тут же стал окликать кто-то из экскурсантов, атакуя вопросами о том или ином снимке. В зале стоял гудящий шепот и царило возбуждение. Я наблюдала подобное уже не раз, поэтому просто прохаживалась туда-сюда, надеясь где-нибудь найти и портрет самого фотографа. Макс, шедший за мной, в какой-то миг остановился у одного из снимков. Тогда я побрела дальше одна.

Я обнаружила в фотографиях Хогарта нечто новое. Грусть. Теперь она сквозила чуть ли не в каждой его работе в каких-то незначительных деталях – освещении, людских лицах, тенях...

Я помнила, что раньше в фотографиях витало много спонтанной радости. Он любил тайком снимать туристов, местных гопников и одиноких девушек. Все прошлые фото были как маленькие замочные скважины в чужую жизнь.

Теперь снимки напитались совершенно новой, тягучей меланхолией. Людей на них больше не было. Зато были пейзажи и снимки утреннего или вечернего Амстердама. Таким духом печали, бывает, веет от одиноко горящей свечи, которую забыли погасить и она горит в ночи ни для кого в своем восковом одиночестве... Снимая пустые улицы, он точно показывал нам тех, кто их покинул.

Иногда мне казалось, я угадываю то, что он только слегка приоткрыл в своих работах.

Что-то произошло. Не с городом. С ним.

В толпе его поклонников я никто, но мне было не все равно, что с ним.

Хогарт облакал абстрактные понятия в форму, находил для всего верные пропорции. С ним, мне казалось, я начинаю видеть больше. Возможно, возвращение в Амстердам и его выставка слились для меня в единое целое, как встреча с дорогим другом, перед которым не надо открываться, ведь он сам все видит. И знает, как дать тебе ощущение своей близости.

Неизвестно откуда у меня появилась уверенность, что встретить я Хогарта в реальности, моя жизнь круто изменилась бы. Мы друг друга поняли бы в первые же секунды, ведь его мысли всегда находят отражение во мне. Каждый тешит себя такой мечтой об идеальном друге и если не находит его в своем окружении, то обращает поиск на то, что хотя бы дарит радость...

Эта мысль была не очень веселой, и я постаралась ее отогнать, переключившись на окружающий мир.

Макс уже растворился. Я обернулась, чтобы иметь представление, где он. Он нашелся чуть поодаль, у того самого кленового листа, и, подболевшись, говорил с каким-то японцем.

– I'm firmly convinced that it is Photoshop!⁵ – донесся до меня его яростный голос.

Японец испуганно кивал. Я фыркнула и пошла дальше. Не хотелось их отвлекать.

Я давно пыталась узнать фотографа через его искусство. Какой он, этот Хогарт? Забавно: человек, чье лицо я никогда не видела, чье голоса я никогда не слышала, стал для меня важен. Я хотела возвращаться к нему вновь. И, может, однажды сказать ему «привет» и, разумеется, «спасибо».

У самого входа висела последняя работа. Хогарт сфотографировал вокзал из окна стоящего поезда. На заднем плане были люди с чемоданами, служащие вокзала, а у самого окна стояла худая девушка, почти подросток – прямо напротив фотографа. От этого снимка веяло тягостным ощущением необратимости. Все было слегка смазанным и расплывшимся, но становилось понятно, что это не дрогнувшая рука, а слеза, застывшая в глазах уезжающего.

Здесь проскальзывала несвойственная для Хогарта сентиментальность, и разумеется, эффект слезы – постановочный. Специальный фокус камеры или, как сказал бы Макс, «явный фотошоп!».

Но после предыдущих снимков пустых улиц и одиноких аллей присутствие человека в таком ракурсе казалось излишне откровенным. Разрозненные части сошлись в историю о прощании.

Внезапно я почувствовала на себе чей-то *взгляд*. Ощущение было весьма... странным. Мне хотелось повести плечами, как будто я могла сбросить с себя *взгляд*, как нечто материальное.

---

⁵ Я твердо убежден, что это фотошоп! (англ.)

Слегка повернув голову, я осмотрела толпу позади меня. У небольшой арки, прислонившись к стене, стоял высокий парень в черном. Он резко выделялся среди всех, и что-то в голове щелкнуло: это он смотрел.

Пол-лица скрывали непроницаемые стекла темных очков. Длинная тонкая цепь, свисающая с его джинсов, тускло поблескивала звеньями. Руки небрежно засунуты в карманы, черные волосы слегка откинута назад... Демоничен, нечего сказать. Наблюдатель вытянул шею и смотрел исподлобья. В его позе было что-то развязное, наглое и бесстрашное.

Сложно было судить о выражении его лица, так как я не видела глаз. Виднелись лишь тонкие сжатые губы, а по непроницаемой поверхности очков скользили неясные блики.

Я смерила его в ответ скептическим взором и отвернулась. Наверняка из тех посетителей, что вместо фотоискусства предпочитают живую натуру... Постояв еще пару мгновений перед «6:00 a.m.» (именно так назывался последний снимок), я снова стала слоняться вокруг, но уже не могла думать о Хогарте и его работах, спиной ощущая, что меня рассматривают, как музейный экспонат. Даже не видя его глаз, я могла сказать – это был какой-то очень странный интерес. Не так парни пялятся на симпатичную девушку.

Так разглядывают препарированных зверушек на операционном столе.

Я не понимала, является ли мое чувство, что за мной следят, реальным или надуманным, но почему-то ноги стали ватными и захотелось скрыться.

Не выдержав, я нырнула в толпу, и сгрудившиеся люди отделили меня от чужого внимания. Вот только сталкера мне не хватало, хотя негласный девчачий кодекс гласит, что это признак популярности.

Быстро отыскав Макса, который теперь слонялся в одиночестве и распугивал японцев, я требовательно дернула его за рукав.

– Пошли отсюда.

– Уже наскучило? Ну, я так и думал... – протянул он.

– Просто хочу проветриться. Сюда я еще вернусь перед отъездом. Какая у тебя культурная программа?

Макс хмыкнул:

– У меня тут есть парочка друзей, настоящие гении вечеринок. Предлагаю к ним наведаться и сократить нашу невинность и неискушенность ровно наполовину.

– Давай, звони им, – махнула я рукой и вывела Макса из галереи через служебный вход.

* * *

– Представляешь, мы сейчас идем, а за нами откуда-нибудь наблюдает объектив фотокамеры и делает тысячу снимков...

– Не знаю насчет Хогарта, но вон тот парень за нами определенно следит.

Мы остановились у какого-то магазина.

– Кто? – поинтересовался Макс.

Я вглядывалась в бледные витринные отражения, но тот тип словно сквозь землю провалился. Перед нами были разномастные голландские башмачки да магнитики с марихуаной. За моей спиной шли, переговариваясь и смеясь, самые разные люди, но наблюдателя из фотогалереи уже было не различить. Он точно растворился меж ними всеми в одну секунду.

Еще мгновение назад мне казалось, что я видела скользящую тень фигуру в черном. Парень следовал за нами от самой галереи, и всегда в отражениях. Я ни разу не видела его вблизи, но натыкалась на далекие зеркальные вспышки. Это походило на преследование призрака.

– Я видела его только недавно, – упрямо сказала я, не замечая, что напряженно сжимаю стакан с кофе и тот вот-вот обольет мне руку.

- Тебе почудилось, – раздраженно отмахнулся Макс. – Давай быстрее, а то опоздаем.
- На вечеринки такого рода никогда не приходишь поздно, – хмыкнула я.

Вечерело. По небу багровыми дорожками разбегались вытянутые облака и напелзал вечерний холодок. Друзья Макса весьма бурно отреагировали на его звонок и обещали закатить нечто умопомрачительное.

Мы шли по запутанным улочкам, но меня по-прежнему не покидало неприятное ощущение, что за нами следят. Пару раз я снова ловила в витринах знакомое бледное лицо в темных очках, вынырывающее откуда-нибудь в самый неожиданный момент... Улучив возможность, я развернула Макса к очередной витрине какого-то магазина фетиш-костюмов и наконец смогла ему показать нашего преследователя.

Он шагнул на противоположной стороне улицы, уцепившись большим пальцем за карман джинсов, а другой рукой свободно помахивая. Даже в вечернем полумраке он не снял очков.

- Вот, – шепнула я. – Это он.

– Откуда ты его вообще взяла? – Макс слегка поморщился, пытаясь разглядеть его получше в отсвечивающих огнях.

- Он идет за нами от самой фотогалереи и уже изрядно меня достал.

- Тот в черном?

- Угу, с длинной цепочкой на ремне.

– Выглядит как гопник... Но, по-моему, это просто совпадение. Может, у него бабушка в этом районе живет.

Я закатила глаза.

- Крутая бабушка, наверняка владелица одного из этих кофешопов.

- А почему нет? Бабушки разные бывают.

- Потому. Потому что я всегда чувствую, когда за мной следят.

Прозвучало странновато, но я не могла подтвердить это ничем, кроме внутреннего ощущения абсолютной необоснованной правоты.

Мы оторвались от витрины и двинулись дальше. Я пила остывший кофе и напряженно смотрела в затылок этому молодому человеку, который уже пересек канал и теперь шел впереди нас. Его спина маячила впереди в свете фонарей. Он даже не таился.

- Где натренировала интуицию? – поинтересовался Макс.

- Слушай... просто смоемся от него и все. Меня это нервирует.

Я вновь взглядела в толпу впереди, но, как и следовало ожидать, парень уже исчез. Когда я держала его в поле зрения, мне было немного спокойнее. Казалось, видя его, я могу контролировать события. Но стоило ему испариться, и таинственная опасность, таившаяся в его облике, растекалась всюду. Ее уже нельзя было охватить взглядом.

Мы свернули. Это был двор жилого дома с одиноко горящим тусклым фонарем. В окнах под мощный бит отплясывали люди.

– Ну, вот и пришли, – отпартовал Макс, звоня в дверь. – Сашок тут учится – вернее, курит дурь целыми днями. Дорвался, как уехал... Я тебе про него рассказывал.

Никакого Сашка я не помнила, но уже было все равно.

Я напряженно топталась на крыльце за его спиной. В глубине дома что-то оглушительно бумкнуло, и через мгновение на крыльцо упал прямоугольник света. Несколько пар рук буквально втянули нас в дом. Жар, царящий внутри, обрушился так внезапно, что в первый миг мне показалось, что я просто задохнусь.

От музыки сотрясались стены и полностью пропадало ощущение реальности. Друзья Макса и еще куча незнакомого народа с криками втокнули нас в гостиную, где происходило танцевальное буйство. Хаотично двигались полуобнаженные тела, а в воздухе крепчал резкий запах прелости и алкоголя. К общему тяжелому аромату приплетались терпкие дымки с разных концов домашнего танцпола.

Я и опомниться не успела, как Макс усадил меня на какой-то диванчик.

– Я принесу выпить. Что будешь? – проорал он.

– Сам реши! – заорала я в ответ.

Он кивнул и ушел. Чьи-то загорелые ягодицы в коротких кожаных шортах плавно двинулись за ним, и я осталась одна. Обнаженные пары ног передо мной покачивались и сближались, и весь мир превратился в калейдоскоп мелькающих конечностей. В просветах между телами периодически мелькал другой диван, на котором расположилось несколько существ непонятного пола, запутавшихся в паутине собственных объятий.

Я прохладно относилась к вечеринкам подобного рода, хотя пару раз на них присутствовала. Мне нравилось просто наблюдать за происходящим. Участия я ни в чем не принимала, потягивая коктейль. Главное правило интроверта в общественных местах – если не знаешь, что делать среди людей, сядь у бара и прикинься загадочной.

Но сейчас не было даже любопытства. Я всегда ненавидела жженный запах марихуаны, меня от него выворачивало. В голове что-то вязко прокручивалось, и горло сдавило в предупреждающем спазме.

Рвота на таких вечеринках – естественное явление, но не хотелось начинать первой. Макс, как назло, словно испарился. Я не видела его у бара.

Или это давление? Еще в самолете была странная слабость...

Не чувствуя себя, я встала и пошла ко входной двери.

Надо было глотнуть воздуха.

Взгляд никак не мог сфокусироваться. Локти ощущали чьи-то тела. Сколько же их тут набилось... Смесь русского, английского и гортанного голландского.

«And he was like... and I was like... And it was like... OH MY GOD!»⁶

«...Блин... Да я же тебя люблю ...Блин...»

В любой другой момент я бы насладились незамысловатым мультикультурализмом, который царил под этой крышей.

Потолок и пол менялись местами в глазах, и путь оказался довольно трудоемким...

– Извиняюсь, – пробурчала я, отталкивая от себя девицу в шипастом костюме.

Недоумеваю, отчего мне так плохо, я все-таки вырвалась из гостиной, открыв дверь чуть ли не собственной головой.

С улицы повеяло приятным холодом, и это ощущалось как благословение. Моя сумка висела на сгибе локтя, а в руке я по-прежнему сжимала злосчастный стакан с недопитым кофе.

Дверь позади сама захлопнулась. Медленно я переводила дух, пытаясь осознать, что со мной происходит.

Все, стоп, стоп, стоп.

И мир стал замедляться.

Деревья и дома неспешно возвращались на свои места, все еще зыбко подрагивая перед глазами. Я присела на перила крыльца, кутаясь в жакет. Почему-то в глаза бросилось глубокое фиолетовое небо с посверкивающими то тут, то там крошечными звездочками.

«Надо же, звезды...» – рассеянно пронеслось в голове. Я давно их не видела.

Вокруг вдруг наступила абсолютная тишина. Даже звуки из дома почему-то стихли. Фонарь рассеивал на меня свой тусклый свет, а я все смотрела в небо, словно ждала чего-то.

Внезапно кто-то резко зажал мне рот и стащил с крыльца.

Небо перевернулось и исчезло.

Я даже не успела дернуться. На лице оказалась чья-то сильная рука, и человек, которому она принадлежала, грубо волок меня прочь от дома. Все произошло очень быстро. Со сты-

---

⁶ И он мне типа... И я ему типа... И все это типа... БОЖЕ МОЙ!

нушим внутри ужасом я наблюдала, как крыльцо и тусклый фонарь уплывают все дальше и дальше. До меня еле доходил смысл происходящего.

Дверь дома резко открылась, и на крыльцо вывалились дружки Макса, а следом и он сам. В этот миг, как по щелчку, во мне вспыхнул отчаянный, жалящий огонь.

Надо было кричать, но я только смотрела на них широко распахнутыми глазами и... все. А они, хрипло посмеиваясь, о чем-то весело переговаривались. Послышался приглушенный звон стучающихся пивных бутылок.

– Кто там, у дома? – донеслось до меня.

Меня мгновенно втянули в узкий проулок, там мы и застыли. Я чувствовала, как гулко стучит сердце моего похитителя, а его ладонь по-прежнему крепко сжимала мой рот. Другая рука стиснула меня поперек до боли. Он был чертовски сильным, хотя запястья были худые, даже утонченные.

– Да никого там нет...

– Уверен? Я, кажется, видел там девчонку Макса...

– Глючный ты, Сашок...

Я отчаянно дернулась пару раз, пытаюсь вырваться. И внезапно в мое ухо вкрадчиво влился напряженный голос:

– Не рыпайся.

Он говорил со мной по-английски.

– М-м-м!!! – отчаянно выдавила я и попыталась ударить похитителя свободной рукой.

Стакан с кофе наконец-то выпал, и я видела, как по тротуару разливается его содержимое. В следующие секунды моя рука была перехвачена и бесцеремонно вывернута.

Боль пронзила запястье и локоть.

Я никогда не чувствовала себя настолько беспомощной. Перед глазами застыло мое недавнее прошлое, и теперь с растущим ужасом я понимала, что все кончено. Овца нашла свой путь в волчью пасть.

Самое ужасное, билось у меня в голове, что никто, никто в этом доме не знает, что со мной сейчас происходит.

Мне казалось, что я во всем виновата. Ведь если бы не моя манера потакать собственным прихотям, я сейчас учила бы историю, а не шлялась по незнакомому городу.

Непроизвольно меня пробила дрожь.

– Боишься? – вдруг почти ласково шепнул голос незнакомца.

Я тряхнула головой, стараясь сбросить с себя его руку, но он прижал меня к себе еще крепче и раздраженно произнес:

– Тише. Ты слишком подвижная.

Что-то странное было в его манере держать и говорить... Он гипнотизировал и парализовал на каком-то инстинктивном уровне.

Я ничего не могу сделать.

От этой мысли во мне что-то перегорело, и я безвольно обмякла в его руках, чувствуя абсолютную слабость. Может, это даже был легкий обморок.

На крыльце отзвенели последние отголоски смеха, и Макс с друзьями скрылся в доме. Хлопнула дверь. И снова замерли все звуки.

Надежда, которая еще теплилась во мне, угасла, как фитиль свечи, сжатый пальцами.

В моих глазах застыли злые слезы. Не знаю, от чего я плакала. Наверное, от бессилия и страха... В этот миг я хотела видеть только Макса, единственного человека, который мог бы мне помочь. Он был близко, всего в четырех-пяти метрах, и нас разделяла тонкая кирпичная стена... Но вместо него был этот ублюдок, держащий меня в своих крепких руках. Его стальная хватка не давала возможности вырваться, и я могла только сучить ногами.

От мерзавца приятно пахло. Какой-то еле уловимый сладко-горький аромат. Дыхание касалось моей щеки и было очень частым.

Черт побери, да он сам волнуется не меньше моего...

Я понимала, что он выжидает для безопасности. Прошла бесконечная минута в этом грязном переулке, пока меня наконец-то не поволокли куда-то по темным проходам. Казалось, что за это время пробежали столетия и сменились поколения... Я слабо передвигала ногами, не имея ни малейшего представления о том, что ждет меня впереди.

Была лишь какая-то необъяснимая покорность.

Тебя вообще особо ломать не надо. Ты и так уже...

Мелькали бесконечные закоулки, повороты да тротуар, мощный гладкими круглыми камешками. Все было как в компьютерной игре с угловатым поворотом камеры и дурацким управлением... А вокруг тихий спальный район, где, как назло, никого.

Амстердам, в котором никогда не стихает жизнь, вдруг предал меня, обернувшись необитаемым равнодушным лабиринтом.

«Ты исчезла с откатом прибоя...» – пели в голове Flunk.

Вот и сбылось пророчество первой случайной песни в этом городе.

Мерзавец шел ровным быстрым шагом. Иногда я почти висела на нем, потому что ноги не слушались. Наконец он довел (донес?..) меня до какой-то машины, бросил в багажник и закрыл крышку. Последнее, что я видела, – это мелькнувшую серебряную цепочку, свисающую с ремня.

Значит, это он. Значит, я была права.

Кай

Я билась в багажнике и кричала, молотя руками и ногами. Вокруг была темнота, а в спину впивалось что-то твердое. Мне казалось, что это дурной фильм ужасов и я стучусь в стенки собственного гроба. Осознание времени постепенно пропадало.

Машина ни разу не остановилась.

«Но ведь должна рано или поздно остановиться», – сказала я себе.

Когда-нибудь. Где-нибудь.

Угодить в психоделический кошмар оказалось слишком просто. Есть машины, которые никогда не останавливаются. Есть дороги, которые никогда не кончаются.

Я отсчитывала про себя выбоины, кочки, синяки – все то, что физически давало мне ощущение времени. В итоге я впала в легкий транс, и когда мотор наконец заглох, даже не обратила на это внимания, глубоко отрешившись от мира.

Тишина не сулила ничего хорошего. Значит, мы снова увидимся. А о том, что будет после, даже думать не хотелось.

Крышка откинулась, и он выволок меня наружу. Стоило мне опять почувствовать его хватку, как меня снова охватила паника, парадоксально сочетающаяся с параличом. Я не понимала, что со мной. Ведь я даже не пила! В черепной коробке словно бултыхались кристаллы льда.

Надо бежать!

Сейчас.

Кричать.

Но что-то во мне сгорело, и я уже не знала, стоит ли сопротивляться.

Земли под ногами будто не было, ноги подкашивались. Я безвольно упала перед ним, и тогда он взял меня на руки и принес в какую-то квартиру. Ни шагов, ни лестничных пролетов я не заметила. Психически я постаралась сдохнуть раньше, чем он меня прикончит.

Меня посадили на какой-то стул, завели руки за спину и крепко связали. Грубая веревка безжалостно врезалась в запястья. Все это происходило в абсолютной темноте в большой и просторной комнате. Голова безвольно опустилась на грудь. Я видела свои колени – и больше ничего. С нахлынувшим равнодушием я ждала самого ужасного и неотвратимого, что должно было последовать вскоре.

Но мерзавец просто проверил крепость узлов и без слов вышел из комнаты. Он был где-то в глубине квартиры. До меня доносились его шаги, затем какой-то шелест... А я все смотрела остекленевшим взглядом в никуда, пассивно фиксируя все происходящее.

Время словно остановилось. Сколько я просидела без всякого движения? Часов семь по ощущениям. За это время мой похититель то затихал, то начинал нервно вышагивать по соседней комнате... Иногда я вспоминала прошедший день – аэропорт, Макса, выставку, – и это все выглядело очень странным, если даже не диким.

Казалось, что события должны были пойти как угодно, но только не так.

* * *

Резинка постепенно съехала с моих волос. Они рассыпались по плечам и закрыли лицо...

Ублюдок звякнул посудой...

Чуть позже тишину разрезал свист чайника...

И по квартире пополз запах кофе, окутав меня с ног до головы...

Тени в углу посветлели...

Шаги...

Они отдавались звенящим эхом в моей голове...

Шаг. Еще шаг.

В комнате почему-то стало намного светлее.

И в свете я видела, как он вошел и приблизился ко мне.

Медленно, властным, но не грубым движением он бесцеремонно приподнял мое лицо за подбородок и задумчиво изучал его несколько минут. Зачем-то повернул туда-сюда. Глаз я по-прежнему не видела – на нем были все те же непроницаемые темные очки. Выглядело это странно.

Я беззастенчиво уставилась в черную гладь линз.

Ну, делай что хочешь. Только быстро. Чтобы я ничего не почувствовала.

Он слегка усмехнулся, а затем отпустил мой подбородок. Голова снова упала на грудь. Самое страшное – ничего не знать о том, что он собирается со мной сделать.

Ублюдок присел на одно колено, и его лицо было почти на одном уровне с моим. Я почувствовала, как он опять изучает меня с уже знакомым исследовательским хладнокровием.

Некоторое время слышалось только наше дыхание вразнобой.

– Доброе утро, – наконец произнес он приятным ровным голосом.

Я молчала. Все, что я чувствовала, – так это всепоглощающую глухую ненависть к этому человеку.

– Ты хотя бы говоришь по-английски? Spreek je Nederlands?⁷ Явно нет. Молчишь? Жалко. Я хотел с тобой познакомиться. – Его рука слегка коснулась моей щеки. – Немного неприятно вышло с багажником. Прости.

– Что тебе надо, ублюдок? – не выдержала я.

– Вообще-то родители назвали меня Каем.

– Мне все равно, как тебя назвали. Для меня ты просто ублюдок.

– Категорично, – спокойно заметил он. – Но я тебя понимаю... Как твое имя?

– Ты знаешь, раз похитил меня.

– Понятия не имею. – Он весело усмехнулся. – Но твои слова сулят мне пару приятных сюрпризов. Ну что же, не хочешь представляться – не надо. Сойдемся на том, что у тебя нет имени.

Я слегка приподняла голову и произнесла:

– Меня зовут Марина.

– Марина, – с интересом повторил он. – Очень приятно. Руку жать тебе не буду, не хочу причинять дополнительных неудобств.

– Зачем ты это сделал? – спросила я, пытаюсь найти ответ в бледных чертах его лица. – Хотя погоди... ты хочешь получить от моего отца выкуп.

– С чего ты взяла? – снова усмехнулся он. – Может, ты мне просто понравилась и я решил познакомиться таким нетрадиционным способом.

Я промолчала. Его ирония уже начинала меня раздражать. Хотя онемение от страха сменилось совершенным безразличием, эта беседа постепенно возвращала ощущение, что я все же нахожусь в реальном мире.

Мы молчали минут десять. Он сидел передо мной, смотрел непонятным взглядом и изучал. Когда наконец тишина была нарушена, в его голосе уже больше не было насмешки. Он звучал задумчиво и серьезно.

– Ты на редкость апатична для похищенной.

– А ты любишь истеричек?

---

⁷ Ты говоришь по-голландски?

– Я много кого люблю, – хмыкнул он. – Но странно видеть такую пассивность. Я помню, что ты почти сразу перестала сопротивляться. Как если бы...

Он замолчал. Я буравила его тяжелым взглядом, и пауза затягивалась. Ублюдок по имени Кай о чем-то размышлял.

– Что? – не выдержала я. – Договаривай.

– Как если бы ты была внутренне готова, – почти эхом отозвался он. – Как если бы ты ждала этого момента.

– Ты – больной.

– Не более чем ты. – Он даже хихикнул. – И сейчас... На твоём месте я попробовал бы кричать. Конечно, тебя никто не услышит, но знаешь – это естественно для пленника.

Мне нечего было ему сказать. Я ничего не хотела делать. Я была в его власти – это единственное, что ясно.

– Ну что же... Было приятно с тобой побеседовать, – произнес он. – Я, кстати, могу выполнить какое-нибудь твоё маленькое желание. Можешь загадывать.

Снова повисло давящее молчание.

– Может, ты хочешь в туалет или поесть? – предположил он. – Давай, пока золотая рыбка в хорошем настроении.

Я продолжала молчать, крепко стиснув зубы и упрямо глядя в пол, сама не очень понимая, что пытаюсь доказать и кому – ему или себе. Что мне не нужна его милость?

– Упрямая. Ладно. Что же... Очень жаль.

Он хотел было уже подняться, как вдруг у меня само собой вырвалось:

– Я хочу увидеть твои глаза.

Он замер на месте, так и не поднявшись с пола.

– Что?

– Я. Хочу. Увидеть. Твои. Глаза, – отчетливо произнесла я.

На меня снова смотрели непроницаемые черные линзы. По губам нельзя было определить, что именно насторожило его в моей просьбе. Они оставались сомкнуты и недвижны.

Внезапно пауза наполнилась каким-то особым, ещё не высказанным смыслом. Как будто весь мир приготовился к этому моменту. Или же это был только мой внутренний мир.

Через пару мгновений медленно он поднес руку к очкам и стянул их.

Наши глаза наконец-то встретились.

Я смотрела на него исподлобья. Наступила моя очередь изучать. Его глаза были пронзительно-голубого цвета и напоминали два драгоценных камня. Я никогда ещё не видела такой радужки. Как неживые...

В них не было ничего, кроме сухого, впивающегося холода. По ним нельзя было прочесть, сквозь них нельзя было увидеть... Я вспомнила голубизну глаз Макса, но она была совсем иной, какой-то размытой и прозрачной, словно родниковая вода.

А здесь застыли арктический холод и легкая усталость.

Он слегка опустил веки, а затем встал и вышел из комнаты. В этот день я его больше не видела.

* * *

Когда он покинул комнату, я ещё не знала, что увижу его лишь завтра. Я думала, он будет все время тут. Но у мерзавца вполне могли быть и другие дела, помимо того, чтобы весь день торчать рядом со своей жертвой.

У меня не получалось думать о нем как о Кае. Я думала о том, что он ублюдок, подлец, негодяй... Эти слова по-детски стучали в груди, отчего у меня сводило горло в немом горе.

Я никогда не думала, что это произойдет со мной...

И пока я тонула в неконтролируемой жалости к себе, мой похититель допивал свой ароматный кофе. Мы сидели в разных комнатах, погруженные в океан собственных мыслей. Для меня в тот момент не было ничего, кроме этих загнанных эмоций. Осознание собственной беспомощности оказалось слишком страшным. Как такое могло случиться? Почему я похищена в незнакомом городе? Почему я, человек, который к этому не был готов...

Впрочем, о таких вещах редко знаешь заранее. Никто не готов к страху и неизвестности.

Оставалось только жрать себя на пустом месте, винить за глупость и молиться неизвестно кому, чтобы все закончилось. О хеппи-энде и речи не было, я в него не верила. Просто мечтала о конце. То состояние, в котором я пребывала, было самым худшим. В картах Таро есть аркан «Повешенный». Вот им я и была.

Но час спустя восстановился баланс между паникой и рассудком. Я вышла из своего транса и смогла трезво оценить ситуацию. Все стало четче, даже вещи вокруг меня.

И первая мысль была оголенной и логически обоснованной: это все-таки должна быть я. Потому что мой отец ворочает огромными деньгами.

Это должна быть я, потому что нет ничего проще, чем украсть предоставленную самой себе дочурку богача, за которой никто толком не смотрит, даже она сама...

И ублюдок наверняка знал, кто я. И возможно, уже позвонил моему отцу и сообщил ему своим властным голосом, что я полностью в его власти.

Какую сумму он потребует?

Мне смертельно хотелось думать, что меня похитили только из-за денег отца. При мыслях об иных причинах я впадала в парализующий ужас.

Это должны быть деньги.

Только деньги.

Иначе я не знаю, какими соображениями этот Кай руководствуется. В голову лезли кошмарные вещи.

Зачем похищать человека, если не планируешь получить выкуп? Я не думала, что Кай был каким-нибудь больным маньяком. У него слишком трезвый, даже остужающий взгляд. В нем чувствовалась рассудочность и что-то... настораживающее.

Я его боялась. Я невероятно, до жути, до смерти боялась этого человека, взгляд которого останавливал мне сердце.

* * *

Все тело болело от кончиков пальцев на ногах до самой макушки. Из-за неудобной позы, в которой я пребывала уже больше десяти часов, свело не только руки и ноги, но и весь позвоночник. К тому же я натерла до крови кожу на запястьях, пытаясь высвободиться, распутывая узлы, и каждое прикосновение веревки вызывало обжигающую боль.

И он был прав насчет туалета. Надо было согласиться.

Солнце, падающее на затылок сквозь незанавешенное окно, начинало припекать. Сегодня погода оказалась теплее, чем вчера.

Лучи на моей коже напомнили мне об обстановке.

Судя по форме светового пятна на полу, позади меня – большое окно. Справа от себя я видела двуспальную кровать с незатейливыми белыми простынями. Она была не заправлена, одеяло слегка откинута в сторону. Помимо этого в комнате имелся платяной шкаф. Скудный аскетизм убранства компенсировался количеством света. Спальня практически целиком утопала в сиянии солнца, проливавшемся через то самое огромное длинное окно.

Я попыталась развернуться, чтобы увидеть, что на улице, но чуть не опрокинулась на пол вместе со стулом. Более решила не экспериментировать, довольствуясь видом на узкий коридор.

И время пошло так медленно, что казалось, будто оно вообще остановилось. В последний раз я ела прошлым утром. Кажется, это были какие-то конфеты. Желудок сводило от голода, а в голове творилось черт знает что. Слишком много вопросов, на которые у меня пока не было ответов.

То и дело я бросала взгляд на тени по углам – мое единственное подобие часов. Они стужались и разрастались, но очень медленно, и когда мое отчаяние достигло пика, было, наверное, чуть больше полудня.

– Эй! – крикнула я. – Кай...

В ответ последовало молчание.

– Ты меня слышишь? Кай! – более настойчиво повторила я.

Я напряженно вглядывалась в узкий коридор, но вокруг стояла такая студеная тишина, какая бывает только в пустой квартире. Пульс участился, и я отчетливо слышала его биение в висках. До меня дошло, что я одна в чужой квартире, в чужом городе...

И к тому же связана.

И наконец меня пронзила самая страшная мысль за все время, что я находилась в плену. Что если... что если он больше никогда не придет? Что если... это способ развлечения?

Похищать, связывать и бросать.

От этого что-то во мне словно оборвалось и упало. Спина тут же взмокла.

– Ублюдок! Ты ублюдок, Кай, слышишь? – истошно завопила я.

Кому я кричала? Он меня не слышал, его вообще здесь не было. И я надрывалась в пустоту, проклиная его последними словами, а теплые слезы стремительно скатывались по подбородку.

* * *

Через час непрерывного крика у меня сел голос и в горле появилась неприятная режущая сухость. Тогда я решила снова расслаблять узлы, двигая в них запястьями. Кожу обдирало, и от боли я закусила до крови губу. Но раз начала, надо закончить.

Я не хотела тут умереть.

* * *

Еще часа через два веревки ослабли и упали, но самая горькая ирония заключалась в том, что я просто не могла пошевелиться. У меня свело ногу и что-то отдавало в шею. Вывернутая вчера рука тоже болела. Я лежала на полу и глядела на свои разодранные запястья, не в состоянии повести ни одной конечностью. Тени стужились и потянулись к середине комнаты.

Да, солнце уже садилось...

Тогда я попробовала ползти вперед. До двери, и потом наружу... Я видела ее. Большая, металлическая... Она манила меня.

Но когда я добралась до нее, то поняла, что она заперта. Это был замок, который можно открыть только ключом.

А ключа не было.

Ничего не было.

* * *

Я пробыла в забытии почти до самой ночи, сама не заметив, как отключилась то ли от общей слабости, то ли потому, что это был мой защитный механизм – отрубиться... Мир

виделся как через пленку, и мне хотелось только неподвижно лежать на полу и ждать... Правда, я так и не поняла чего – Кая или смерти.

* * *

Сухость в горле. Запекшаяся кровь на руках. В глазах будто кисель.

Что-то гроыхнуло рядом со мной.

Дверь? Дверь.

Шаги. Сладкая горечь. Это в воздухе...

Шорох и стук в синеватой тьме. Белые носки чьих-то кедров перед глазами.

Кто-то наклонился надо мной и бережно приподнял мою голову.

Сквозь туман я видела размытое лицо ублюдка. Почему-то четкими были только его глаза, которые в полутьме отсвечивали светло-серой сталью.

– Что с тобой, Марина? – равнодушно уронил он в пустоту, положив мою голову себе на колени.

Я хотела его грязно обругать и дать по роже, но вместо этого только слабо дернула рукой, касаясь его плеча, и хрипло произнесла:

– Больше никогда меня не бросай...

Странные слова, чтобы говорить их своему похитителю.

– Прости, – сказал он, поглаживая меня по волосам. – Но ты далеко забралась. Я не помню, чтобы тебя тут оставлял.

– Я хочу домой. Пожалуйста.

– Когда ты в последний раз ела? – проигнорировал он мои слова.

– Позавчера утром.

– Почему ты мне сразу не сказала?

– А ты бы послушал? – с трудом произнесла я.

– Не знаю, – задумчиво сказал он, медленно проводя рукой по моему лицу.

Внутри взвивалась обида. Как он мог меня бросить, уйти вот так почти что на два дня?! В конце концов, что я ему вообще сделала, за что он меня мучит? Похищает и бросает без объяснений в полном одиночестве, не оставив еды, не потрудившись даже развязать меня.

Я почувствовала, что снова плачу, теперь уже на руках у моего похитителя. Он некоторое время безмолвно взирал, как я содрогаюсь в рыданиях, а потом, наклонившись ко мне, прошептал:

– Знаешь... не хотел бы я тебя так мучать. Но почему-то не получается иначе.

– Ты уже это сделал! Ты... жестокий ублюдок! Ты меня бросил! Бросил! Бросил!

Я в истерике кричала это свое «бросил!», а он меланхолично проводил по моей голове рукой и молчал. Не знаю, откуда у меня еще были силы плакать и ворочать распухшим языком... Моя истерика длилась минут десять, а он спокойно наблюдал за ней, легко касаясь меня ладонями. Мне хотелось, чтобы он снова привязал меня или, наоборот, утешил и пообещал, что никогда больше не оставит.

Я хотела какого-то действия. Я искала стабильности.

Страх, который я испытала при мысли, что могу быть оставленной навсегда в том беспомощном состоянии, стал самым сильным, какой мне довелось испытать в жизни. И я как никогда нуждалась в ком-то близком...

Но рядом оказался только этот Кай, разжигающий своим непонятным поведением удушную ярость и одновременно обиду. Поэтому все, что я могла делать, – это реветь. Пальцы клещами вцепились в его майку, чтобы он, не дай боже, опять не ушел.

Я не могу быть одна.

Не хочу.

– Ты как ребенок, – с непонятым весельем сообщил он, наблюдая за моими жалкими действиями. – Ну, все, тихо, тихо... Т-ш-ш-ш...

Не знаю, что произошло в этот миг. Его спокойствие, суховатая ласка длинных теплых пальцев и моя беспомощность начисто стерли наши роли палача и жертвы. В какой-то момент, глядя на него сквозь слезы, я почувствовала, что уже больше не боюсь этого странного, холодного молодого человека. Как будто меня переключили на новый режим восприятия. И я даже не понимала, на каком этапе это произошло, но...

...он был рядом. Лучше чем совсем никого.

Постепенно я успокаивалась и затихала. Кай молчал, проводя пальцами по моему лицу и шее. Мне уже стало все равно, что со мной будет. Никогда я не чувствовала себя такой вывернутой наизнанку эмоционально.

Кем мы были теперь?

Я не чувствовала себя загнанной овцой, а он больше не был моим безжалостным мучителем. Хорошо, что полумрак комнаты давал нам обоим укрытие, возможность осознать происходящее. Мы оба это понимали.

И внезапно в этой полутьме прозвучал совершенно обыденный вопрос:

– Хочешь яичницу?

* * *

Уже несколько минут я буравила осоловелым взглядом розовый кружок колбасы посередине хлеба. Дилемма была проста: съесть или нет. Рядом со мной стояла пустая тарелка с желтыми следами. Яичница благополучно перекечевала в мой желудок, там же сгнули несколько наскоро сделанных бутербродов. Дрожащими руками я затолкала в рот все, что он передо мной поставил, вообще не понимая, как могу еще что-то делать, как я все еще пребываю в сознании... Но судорожно глотала и думала, что мне будет мало. Однако, как всегда, быстро насытилась.

В голове царило ощущение стянутой прохлады, а в глазах как будто перекачивался песок.

Кухня была маленькая. Большую ее часть занимали плита и серый холодильник с разболтанной ручкой. Из блестящего крана капала вода, а небольшой светильник бросал треугольник света прямо на стол, за которым мы сидели – я у двери, взобравшись с ногами на табурет и прижав колени к подбородку, а Кай напротив меня, опершись локтями о его поверхность и слегка наклонив вперед взъерошенную голову.

Сведенная нога отходила. Изредка я шевелила стопой, чувствуя, как с болью возвращаются ощущения.

Кай все это время смотрел, как я ем, и молчал. Под конец, когда уже не было сил гипнотизировать злосчастный бутерброд, я не выдержала и спросила:

– И что дальше?

Он слегка пожал плечами и произнес:

– Все что хочешь.

– А чего я хочу? – спросила я уже у самой себя и слегка повела заостренными плечами. – Я хочу... хочу тебя спросить. Можно?

– Ну, спроси, – вроде как разрешил он.

– Твоя карьера похитителя началась с меня?

Уголки его губ дрогнули в усмешке.

– С чего ты взяла? Может, до тебя у меня уже был большой опыт похищения девушек.

– Не было у тебя ничего. – Я посмотрела на него исподлобья и заявила: – Все началось с меня.

– Какая убежденность...

– Можешь сколько угодно иронизировать. Но это так. Кстати, что тебе сказал мой отец?
– Ничего. Мы с ним даже не знакомы, – хмыкнул он.

– И опять наглое вранье. Ты знаешь, кто мой отец, именно поэтому я сейчас здесь.

Кай впервые улыбнулся. С его холодными глазами вязалась только обычная еле заметная усмешка. Улыбка ввела меня в заблуждение. Она не вязалась с его лицом и действиями.

– Ты не можешь смотреть на меня? – спросил он, замечая, как я опускаю глаза и стараюсь не поднимать их.

– Не могу. Ты улыбаешься. И это улыбка мечтателя, а ты... ублюдок.

– А почему ублюдки не могут мечтать? Уверен, что у каждого из нас есть своя сокровенная ублюдочная мечта, – вполне серьезно сказал он.

– Проехали. Что там насчет выкупа? Небось уже договорился о кругленькой сумме?

– Марина...

– Вообще хорошая идея: наживаться за счет глупеньких богатых дурочек, – продолжала я, не обращая внимания на его попытки что-то сказать.

– Послушай...

– Как планируешь потратить эти деньги? Открыть собственный ресторан? А может, спустить на наркоту? Или потратишь на шлюх и выпивку?

Иногда я не понимала, почему не могу заткнуться. С другой стороны, это единственное, на что я была способна в такой ситуации.

– Марина... – Теперь в его голосе проскользнули знакомые властные интонации. – Мне совершенно не интересны деньги и твой отец.

Я запнулась, тупо уставившись на сахарницу. Услышанное звучало дико. Значит, так оно и есть. Все самые страшные вещи вдруг решили случиться именно сейчас. Медленно подняв голову, я посмотрела в синие кристаллы его глаз и спросила:

– Тогда зачем это было?

Кай изучал меня некоторое время со своего конца стола – холодно, аналитически, – а затем произнес:

– А это я окончательно пойму, когда посмотрю на тебя завтра утром.

Выражение его стеклянных глаз снова стало меня пугать. Так смотрят на неживые объекты.

– То есть... ты сам не знаешь зачем? – ошеломленно спросила я.

– Начистоту говоря – да, – развел руками он.

Опять мелькнула мальчишеская усмешка.

Дрожь начала распространяться по всему телу, и это передалось стакану с водой, который я держала в руках. Он мелко застучал по столу, и пальцы сами разжались. Как это может быть? Как можно похитить человека, не зная даже для чего? Это просто... просто абсурдно...

– Знаешь, – мой голос звучал придушенно и слабо, – я думала, это я ворочу, что в голову взбредет, но оказалось, ты меня переплюнул... в капризах.

Последнее слово прозвучало как-то жеманно, хотя я просто провалилась в подборе слова к тому, что он сделал.

– Это не каприз, – спокойно возразил он. – Это... жизненная необходимость.

– И в чем она заключается?

Глядя мне в глаза, Кай усмехнулся уже другой, немного жестокой улыбкой и лишь произнес:

– В тебе.

Снова стало не по себе. Его заледенелая усмешка и эти загадочные слова мне совсем не понравились.

– А что такого... во мне?

– Я же сказал, завтра... я пойму. Я думаю.

Оставалось только кивнуть. Большого я от него не добила бы. По телу ломотой разливалась невыносимая усталость, и оно переставало мне подчиняться.

– Значит... завтра.

– Значит, завтра.

Это звучало как заключение договора.

И я уснула.

Незванный друг

Время слилось в одну черную полосу. Шли минуты, и абстрактное завтра вскоре превратилось в сегодня, а я все продолжала спать... Не чувствуя ничего, даже саму себя. Воцарилась тишина, остановившая поток мыслей и переживаний. В этом я так нуждалась.

У меня было хитрое, эскапистское желание: провалиться в сон, а там, может, мир сменит свои декорации. Вдруг это сон. Просыпаешься в истерике, а за окном тот же мир: знакомая и скучная Рига, ноющий Макс в телефоне...

Я не хотела снова просыпаться в этой квартире. Еще больше я боялась проснуться вновь связанной и в полном одиночестве. Я вообще не знала, что увижу после пробуждения.

Но, к сожалению, если сон плавно не переходит в смерть, он просто заканчивается. Во тьму проскользнули крошечные искры, которые постепенно слились в тонкую светлую линию. Это утренний свет прыгал по моим ресницам.

Я слегка приоткрыла глаза, чувствуя во рту режущую сухость. Тело болело, словно меня пинали тяжелыми ботинками. Кожа на запястьях жгло, из ссадин сочилась сукровица.

Некоторое время я тупо смотрела на потолок сквозь полуприкрытые глаза, а потом решительно их протерла и взглянула немного трезвее. Кровать была удобней кухонного стула, и я могла бы лежать так вечно, но мысли начали свой тревожный бег, остановить который уже было невозможно.

События проносились в голове обрывками.

Я вспомнила крыльцо, все дальше и дальше уходящее от меня, и чьи-то руки, до боли сжимающие мое тело. Потом веревку, багажник и собственные крики в пустоту... Как меч, повисло имя Кай, которым нарекли человека со взглядом рептилии...

Последнее, что я помнила, – это кухня и то, как он спокойно произнес «завтра». Или пообещал. Скрючившись, я странным образом уснула прямо на стуле. Определенно, кровать была намного удобней. Медленно приподнявшись на локтях, я прислонилась спиной к стене и уставилась перед собой. Тусклый утренний свет расползлся от окна широкими полосами. Вся комната была в этот утренний час серой, абсолютно выцветшей.

С трудом повернув затекшую шею к окну, я замерла. На подоконнике, небрежно закинув на него ноги, сидел Кай. Опять в черном. С ремня свисала знакомая серебряная цепь. Ветер, проникавший сквозь приоткрытую створку, шевелил его взлохмаченную челку.

«Маленький Дэмиен из “Омена”⁸ вырос, стал эмо и закурил», – пронеслось в голове. Я еще способна была иронизировать...

Он смотрел на меня в полном молчании, которое до поры до времени скрывало его присутствие.

Я окончательно вспомнила, где я. И с кем.

Поежившись, спросила хриплым, сорванным вчера голосом:

– Уже завтра?

– Нет, послезавтра, – поправил меня он.

– Даже так.

Я отвернулась и почувствовала, как что-то обжигающе бежит по венам вместе с кровью. Это был стыд. Впервые в жизни я испытывала невероятный, необоснованный стыд, который был везде. Он поднимался откуда-то из глубины живота и с каждой секундой заливал глаза. Никогда мне не было так неприятно, так унижительно...

Так стыдно.

---

⁸ «Омен» – серия британских мистических триллеров о приходе и становлении антихриста.

Кажется, я начинала догадываться, почему... Судорожно пришлось закусить губу, чтобы физической болью привести себя в чувство. Вчера я показала свою слабость, да еще как!

«Бросил! Бросил! Бросил!»

Кровавый ком в горле. Пальцы на моем лице, пальцы сжимаются вокруг сердца.

«Бросил! Бросил! Бросил!»

Все, что я о себе думала – что я уверенная, сильная и равнодушная, – оказалась неправдой: вчера по полу ползала истеричная девочка, которая давилась соплями и слезами и не знала, куда себя деть от трусости. От страха она нашла прибежище в руках своего похитителя, забыв, что он – враг. В глазах защипало, когда я вспомнила, как ревела у него на коленях и цеплялась за него изо всех сил. И Кай все это бесцеремонно наблюдал.

– Что с тобой? – спросил он. – Эй...

– Н-ничего... Что со мной может быть? – прошептала я, не глядя на него и нервно комкая край одеяла.

– Повернись, пожалуйста, – попросил он, и в его голосе проскользнула уже знакомая повелительная нотка.

– Да пошел ты... – воскликнула я.

Я почувствовала сзади движение: он слез с подоконника и присел на кровать возле меня. Что он сейчас сделает? Ударит? Изнасилует? Сразу убьет?

Я пыталась унять дрожь, но ничего не получалось. А Кай всего лишь приблизился к моему уху и коварно прошептал:

– Ты просила о другом позавчера. Ты плакала у меня на коленях и умоляла больше никогда тебя не оставлять.

Послышался ехидный смешок. Кай знал, как уколоть. Как раз этого я и не хотела слышать. Я чувствовала размеренное дыхание и близость его лица. Щеки пылали, или так казалось, и я раз за разом вспоминала, как вся в слезах корчилась у него на руках. От этого становилось еще хуже.

– Оставь меня, – прошептала я, чувствуя, что сейчас опять расплачусь.

Я не понимала, как он это делал. Я думала, я такая уравновешенная... Владею собой, владею миром.

Ужасно хотелось домой.

– Тебе стыдно, – понимающе произнес он.

– Какое тебе дело?

Он промолчал. Слезы побежали по моему лицу.

– Могу понять. Сначала я для тебя – страшный говнюк, потом ты рвешь на мне майку и закатываешь сцену, какой мне не устраивала ни одна бывшая. – Он хмыкнул, и мне захотелось ему врезать, да так, чтобы он плевался кровью. – Видишь ли... Никогда не знаешь, на каком этапе начнешь доверять, – почти что дружелюбно добавил он.

У меня не было желания комментировать или спорить, хотя ужасно раздражал этот менторский тон. Спустя несколько минут молчания я спросила с нескрываемым напряжением:

– Сейчас, когда ты видишь меня утром, при свете дня, когда ты видишь все, что ты со мной сделал... ты принял решение?

Кай отвернулся, и теперь мы сидели фактически спина к спине. Минут пять он молчал, затем произнес:

– Да, я решил, что с тобой сделаю.

Я медленно повернулась к нему, и он, тоже слегка обернувшись, сказал:

– Я оставляю тебя себе.

– Зачем? – глухо спросила я.

– Зачем? Глупый вопрос. Зачем парню нужна девушка?

– Тебе нужно, чтобы я занималась с тобой сексом? Или чтобы я тебя даже любила? А может, убирала в квартире и была твоей рабыней?

– Это грубо и примитивно.

– Ах, мы же возвышенные и утонченные...

– Ну, что-то вроде того. У меня пока нет для тебя определенного назначения, так что... можешь делать что захочешь. А там посмотрим.

– Урод.

– Меня зовут Кай.

– Ты урод, Кай.

– Это пройдет, Марина, – по его губам скользнула какая-то грустная, даже сочувствующая улыбка. – Ты не можешь ненавидеть меня вечно... Думаю, в глубине души ты уже перестала.

Я бросила на него злой взгляд исподлобья и спросила:

– Значит, ты считаешь, что я изменю свое отношение к тебе?

– Мне все равно, как ты ко мне относишься. Результат все равно будет один.

– И ты правда думаешь, что я буду спокойно к этому относиться? – с ненавистью прошептала я.

Кай нагло ухмыльнулся и сказал:

– Да, я так и думаю. Тебе ведь это нравится на самом деле. Уже начало нравиться со вчерашнего дня.

– Ты ошибаешься, – так же чуть слышно ответила я.

– Значит, скоро понравится.

Он коротко улыбнулся и встал с кровати, направляясь в коридор.

– Ты можешь делать здесь все что захочешь, – бросил он через плечо.

– Тогда можно я уйду?

– Ты остаешься тут. Все. Ты больше не живешь своей старой жизнью. Теперь у тебя есть только эта квартира и я. Чем раньше ты примиришься с этой мыслью, тем лучше для тебя.

И он скрылся где-то в глубине квартиры. Я ошеломленно переваривала услышанное. Этим утром я ожидала услышать что угодно, но не это. Зачем ему я?

Flunk пели, что королева преисподней ушла с откатом прибора, теперь она в другом мире. И в нем она – никто.

* * *

Некоторое время я сидела на кровати среди скомканного одеяла и раскиданных подушек и покачивалась, пребывая в странном трансе. Передо мной все еще стояло его лицо с неприятной усмешкой, а в ушах звучали обрывки фраз.

«Ты не можешь ненавидеть меня вечно...»

Я постараюсь. Я постараюсь ненавидеть тебя всегда, Кай. Это, по крайней мере, будет естественно.

Медленно я сползла с кровати и попыталась найти зеркало, чтобы оценить свой внешний вид. Судя по заляпанным неизвестно чем джинсам и спутанным в клубок волосам, я выглядела просто ужасно. Я прошлась по комнате, разминая тело и прислушиваясь к происходящему в квартире. Где-то в глубине ее слышались приглушенные звуки, свидетельствующие о присутствии этого уродца.

Рука болела меньше. Все шевелилось. Хотя это радовало.

Подойдя к окну, я обнаружила, что оно выходит на безлюдную часть какого-то канала, залитого утренним туманом. Густая дымка вязко расплзалась между однотипными зданиями. Пейзаж был абсолютно безлюдным.

Окно свободно открывалось, и вместе со свежим воздухом туман будто вполз в комнату. Или его часть уже впиталась в эти стены. Мир вокруг напоминал размытую акварель.

Я свесилась через подоконник, оценивая расстояние до земли. Слишком высоко, чтобы прыгать. Даже если, как в голливудских фильмах, связать из простыней веревку, земли все равно удастся достигнуть только в свободном полете.

Кай наверняка прекрасно знал, что я не рискну прыгать с такой высоты. Вот откуда его уверенность. Вот откуда такая свобода.

«Заори!» – услужливо подсказал внутренний голос.

Чуть помедлив, я завопила изо всех сил на английском:

– На помощь! Пожалуйста! Эй!

Мой крик разнесся во все стороны и заглох. Здания вдали выглядели заброшенными. Да жил ли кто-то вообще в этом доме?

Кай даже не отреагировал. Это говорило только об одном – он знал, что здесь нет никого, кроме нас.

Меня охватило отчаяние, от которого снова захотелось разреветься, но это вряд ли помогло бы. С грохотом я закрыла окно, чувствуя себя глупо. Было бы неплохо вообще разложить ему все к чертовой матери, чтобы он знал: пленники – это дорогое удовольствие.

Я вышла из комнаты в коридор. Там царил полумрак, но на стене висел маленький светильник, и я дернула свисающую из-под пыльного абажура цепочку. Раздался щелчок, однако свет не зажегся. Ублюдку явно лень менять лампочки.

В уже знакомой кухне царила чистота и пустота. Я быстро выдвинула пару ящиков в надежде найти нож или что-нибудь острое. И вилка сошла бы. Но в ящиках для приборов осталось только ситечко для чая. Он убрал даже ложки! Все, что осеняло меня сейчас, было уже продумано им вчера. На сколько шагов он опережает меня?

Коридор упирался в уже знакомую входную дверь, от которой несло холодком. Я осмотрела замок и снова почувствовала разочарование. Он действительно закрывался на ключ, а его мой похититель унес с собой.

Но я не могла не отметить, что дверь довольно нетипичная для европейских домов – тяжелая, металлическая. Часто двери и заборы в Амстердаме выглядели чисто символическим элементом интерьера и были сделаны из материала чуть плотнее папье-маше.

«Нормальный у тебя бункер», – подумала я про Кая.

С сожалением оставив прихожую, я вернулась в уже знакомую кухню. Дом казался старым, и иногда в таких жилищах бывают запасные двери... Правда, и тут моим надеждам не суждено было оправдаться – выхода не было. Во всех смыслах.

Но кое-что я все-таки нашла. В конце коридора имелся еще один выход. Замок казался хлипким, и что-то подсказывало – эта дверь ведет наружу. Тянуло свежим воздухом, и в щель возле косяка сочился свет. Но выяснить, что за ней, пока так и не удалось. Тогда я направилась к последней комнате. Ручка мягко опустилась. В красноватом освещении виднелась спина Кая у какого-то стола. Он молниеносно повернулся, и я невольно отпрянула, врезавшись в стену.

Сам похититель вылетел буквально через секунду. Прикрыв дверь и опершись на нее, он сухо спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Лучший вопрос, который можно задать своему заложнику! Гуляю и нюхаю цветы, блин!

– Осваиваюсь, как видишь, – буркнула я. – А что ты так вылетел? Чем ты там занимаешься? Внутренности маринуешь?

– Запомни, Марина, – своим спокойным подавляющим тоном начал Кай, проигнорировав мое ехидство, – тебе туда нельзя. Представь, что это сказка о Синей Бороде и можно входить куда угодно, кроме одной-единственной комнаты.

– Хорошая аналогия. Борода-то всех своих девушек мочил.

- Ну, если тебе надо как-то себя мотивировать...
- Я вообще-то ванную искала, – пробормотала я, пятясь назад.
- Прямо позади тебя, – произнес он.

Я обернулась и увидела, что там не просто стена, а отодвигающаяся ширма, отделанная панелями. Недолго думая, я скрылась за ней, чувствуя, как Кай наблюдает за тем, чтобы я попала по назначению.

Выражение его лица меня немного напугало. Вчера я думала, что научилась бояться его чуть меньше, узнав какую-то его скрытую сторону тогда... когда я плакала, а он вдруг утешил меня на свой странный лад...

Я присела на край большой белой ванны и задумалась. Что там такого, за что он мог меня убить? Черт побери, да кто он вообще такой?

Красный свет мне ни о чем не говорил. Какие-нибудь инфракрасные лампы. Для чего?

Я пустила воду и стянула с себя грязную пропахшую потом одежду. Весь мой страх впитался в нее. В дальнем углу стояла стиральная машина, и можно было запихнуть вещи туда, но что-то останавливало. Я просто не могла представить, что снова надену одежду, в которой думала... умереть.

Не зная, что делать с этой грязной одеждой, вызывавшей у меня отвращение, я забралась в теплую воду.

Почему-то в этот момент вспомнилось, как я в детстве плакала. Ванная была особенным местом: только там я могла лить слезы. С шумом текла вода, ревел магнитофон, а я вторила ему своим тихим воем, растворяясь в детских горестях...

И вот я снова плакала позавчера и сегодня утром. Давно такого не было. Однажды усваиваешь, что слезы – избыточная эмоциональная реакция и от них ничего не меняется.

Но вчера мой мир перевернулся с ног на голову и плакать хотелось постоянно.

Я брызнула себе в лицо водой.

Что происходит в этом доме? Все похоже на какое-то дежавю, но я не узнаю ни одного предмета. Даже себя не узнаю.

Постепенно ванна остывала. Я выдавила на ладонь немного геля для душа, продолжая обдумывать свое положение. Какие причины побудили его похитить незнакомую девушку? Теперь уже ясно, что выкуп его не интересует и о моем пресловутом отце он как раз-таки не знает. И он не маньяк. Так что же это? Развлечение? Любовь с первого взгляда?

Я хорошо помнила его взгляд. И тогда на кухне, и позже в комнате. Никаких эмоций. Любопытство и интерес. В голову не к месту пришел дешевый мерзкий ужастик «Человеческая многоножка». Теперь все бредовые киношные идеи вдруг стали казаться реальными. Вдруг он хочет использовать части моего тела для аналогичного эксперимента?

Вымывшись, я все не решалась выйти. Атмосфера ванной комнаты всегда действовала на меня успокаивающе, и казалось, стоит покинуть ее пределы, как все снова спутается. Я продолжала сидеть, глядя, как в слив уходит мыльная вода. Вот бы самой так же слиться...

Пришлось взять большое белое полотенце, но я уловила исходящий от него знакомый сладко-горький запах. От этого стало неуютно, и я огляделась в поисках чего-нибудь еще.

На сушилке для белья обнаружилась мягкая, но чистая рубашка. Куда этот гопник в ней ходит? И все же это лучше, чем мое. Я зачем-то прилежно привела ванную в порядок и вышла в коридор. Из таинственной комнаты по-прежнему доносились еле слышные звуки, но в остальном мало что изменилось.

Я вернулась в спальню с намерением узнать о нем побольше. В платяном шкафу была только одежда. Все сложено аккуратными стопками и развешано по вешалкам. Рубашки-поло мрачных цветов, футболки с логотипами неизвестных мне групп... Я так ровно вещи не складывала, и мой шкаф иногда было страшно открыть.

Около небольшого магнитофона на полу валялась гора дисков. Он слушал малоизвестную тяжелую музыку. Впрочем, об этом можно было сказать уже по его внешнему виду.

Ничего более в комнате его характеризовать не могло. Поставив наугад какой-то диск, я устала в окно. Туман постепенно рассеивался, обнажая пустынный берег. Мне показалось, что это вырезанный кусок реальности. Из нее не выбраться единожды, в нее не войти дважды.

* * *

«Когда становишься взрослым?» – задумалась я. Еще несколько дней назад я могла с уверенностью сказать, что я взрослая, потому что была достаточно самостоятельной и успела многое повидать. Родители никогда меня особо не контролировали, и эта свобода доставляла мне наслаждение и тяготила одновременно. Я думала, что могу все сама. Но я вообще, оказывается, много о себе думала.

Еще я была уверена, что повидала много разных людей и имею солидный опыт понимания чужой сути. Молчунов и одиночек часто держат за недоумков, но мы много наблюдаем и делаем выводы.

Однако о Кае сделать вывод не получалось, так как я не могла понять, что именно меня в нем пугает. Несмотря на страх, мне хотелось всматриваться в его неживые глаза и искать в них ответ.

Я что-то смутно понимала о нем, но не могла облечь эти ощущения в слова. Не зная кто он, я не могла с ним бороться. А я хотела в конечном итоге оставить в прошлом эту пустую серую квартиру и его самого.

Мы жили бок о бок, но практически не виделись. Наш последний разговор в то первое утро так и был пока что единственным. Кай весь день провел в своей комнатке, потом снова ушел почти на сутки, даже не заглянув ко мне. Через день беспцельного хождения по его квартире мой разум принял ситуацию: теперь я живу здесь. Это он и пытался вложить мне в голову. От того что ему это удалось, было не очень-то радостно.

История о похищении девушки превратилась в нечто среднее между фарсом и арт-хаусным фильмом ужасов. Спецэффектов нет, местами глуповато, но все равно страшно.

Пытаясь предугадать будущее, я бесконечно анализировала все, что произошло. Непроизвольно вспоминалась та жуткая ночь, когда он нашел меня на полу. Его длинные пальцы бережно касались моего лица, и кожа все еще хранила их прикосновение. Я вспоминала и интонации, сквозящие в голосе... Сочувствие, доля понимания, отличного от обычной эмпатии... Странное преломление смысла и ролей. Наверное, он все-таки не сделает со мной чего-то плохого. Он не будет меня мучить или насиловать. Этого в нем нет.

Но есть много других, более тонких способов надругаться над человеком. Ужасно было то, что он сделал с моим внутренним миром за какой-то смехотворно краткий промежуток времени.

Когда-то давно Макс, который обожал рассуждать на всякие темы, близкие к психологии, долго и нудно рассказывал мне о шоковой терапии, уже не помню почему. Теперь его слова вдруг начали всплывать в памяти, как пузырьки в газировке.

«Шоковое состояние – совершенно особенная грань, понимаешь?! – возбужденно говорил он. – Это момент полной трансформации на уровне подсознания. Люди, прошедшие через сильные потрясения, становились потом другими, и сами не понимая почему. И так они избавлялись от страхов и эмоциональных проблем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.